

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга относится к серии межархивных справочников, посвященных документальным источникам по еврейской истории и культуре в петербургских архивохранилищах. Это издание — вторая часть третьего и последнего тома «петербургской серии» путеводителей, издававшихся с 2011 г. в рамках международного научно-исследовательского проекта «Документы по истории и культуре евреев в архивах России, Украины и Беларуси»¹.

* * *

Отличительная особенность данной книги состоит в том, что в нее включены археографические описания документальных фондов и коллекций, содержащих различного рода источники по теме проекта, из депозитариев ведущих музеев Петербурга, включая Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей (ГРМ), Российский этнографический музей (РЭМ), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера; МАЭ), Государственный музей истории религии (ГМИР), Государственный музей политической истории России (ГМПИ) и Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Документы, отложившиеся в фондах вышеперечисленных музеев, с одной стороны, проливают свет на различные аспекты почти двухсотлетней истории формирования и экспонирования коллекций, содержащих ценные памятники еврейской религиозной, художественной и политической культуры; с другой — отражают развитие габраистики, иудаики, включая еврейскую этнографию, в Российской империи и в СССР. Представленные в данном путеводителе описания архивных фондов петербургских академических научно-исследовательских учреждений, в том числе Санкт-Петербургского филиала Архива Российской АН (СПФ АРАН),

Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ РАН), Института восточных рукописей (ИВР РАН), Института истории материальной культуры (ИИМК РАН), Института русской литературы (Пушкинский Дом; ИРЛИ РАН), а также Российского института истории искусств (РИИИ), Объединенного архива Санкт-Петербургского государственного университета (ОА СПбГУ), Петербургского института иудаики (ПИИ) и Центра «Петербургская иудаика» (ЦПИ), в свою очередь, включают информацию о коллекциях еврейских письменных, визуальных и фонографических источниках и о развитии указанных выше научных дисциплин в Петербурге.

В силу «музейной специфики» такого рода архивных материалов значительная часть пофондовых описаний, включенных в данный путеводитель, содержит сведения о первом в России Еврейском музее, учрежденном 19 апреля 1914 г. при Еврейском историко-этнографическом обществе (ЕИЭО)². Несмотря на то что описание архивного фонда Музея ЕИЭО из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) вошло во второй том «петербургской серии»*, в ее завершающем томе описания коллекций, содержащих документы и экспонаты из собрания бывшего Петроградского / Ленинградского еврейского музея, образуют своеобразный «полюс притяжения», вокруг которого складывается увлекательный археографический сюжет о еврейском музейном строительстве в Российской империи и в СССР. Не будет преувеличением отметить, что в этом сюжете отразились различные социокультурные, политические и идеологические тенденции, доминировавшие в российском еврейском сообществе, которое в первой трети XX в. переживало радикальную модернизацию.

* * *

Музейные коллекции по гебраистике и иудаике, включавшие в основном памятники еврейской письменной культуры — рукописи, старопечатные книги и документы, а также произведения изобразительного искусства, начали складываться в России в первой половине XIX в., задолго до учреждения общедоступного Еврейского музея.

Первое значительное собрание еврейских рукописей в петербургской Императорской публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека; РНБ) берет свое начало с передачи в 1805 г. свитка Книги Эсфирь в составе Депо манускриптов российского дипломата

* См. описание ф. 311 — Музей ЕИЭО (ЦГАЛИ СПб) в кн.: Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. Путеводитель. [Т. 2:] Региональные архивы. С. 434–436.

П. П. Дубровского; впоследствии в библиотеку поступили богатейшие коллекции еврейских рукописных памятников К. фон Тишендорфа, А. С. Фирковича, архимандрита Антонина и др.³

Второе по значению собрание еврейских манускриптов и старопечатных книг начало формироваться в Азиатском музее (ныне Институт восточных рукописей РАН), учрежденном в 1818 г. в Петербурге*. В течение почти двухсотлетней истории этого научного учреждения в нем работало несколько поколений выдающихся гебраистов и востоковедов, среди них: К. Г. Залеман, В. В. Радлов, П. К. Коковцов, С. Е. Винер, М. Н. Соколов, В. Л. Дашевский, И. Н. Винников, А. А. Фрейман, И. Г. Бендер, Ю. А. Солодухо, Н. В. Пигулевская, И. И. Гинцбург, А. Я. Борисов, К. Б. Старкова и др. Благодаря их усилиям было сформировано уникальное собрание еврейских письменных памятников**. По сведениям петербургского гебраиста, ведущего научного сотрудника ИВР РАН С. М. Якерсона, в настоящее время еврейский рукописный фонд института, включающий еврейские, караимские и крымчакские письменные памятники, в том числе знаменитые «Biblioteca Friedlandiana» и «Biblioteca Chvolsoniana» — коллекции Л. Ф. Фридланда и Д. А. Хвольсона***, «насчитывает в общей сложности приблизительно 50 000 печатных книг (из них 66 инкунабул и более 300 палеотипов)»⁴, а также более 1700 рукописей****.

Во второй половине XIX — начале XX в., в связи с бурным развитием археологии и этнографии, в музейные собрания Москвы и Петербурга стали поступать не только отдельные предметы, но и целые коллекции, отражающие культуру различных еврейских этнических групп, населявших Российскую империю.

Первый известный мне случай экспонирования таких предметов — это показ «манекена туркестанского еврея»⁵ в традиционном костюме из «Туркестанской коллекции»*****⁶ на московской Всероссийской политехнической выставке 1872 г. После ее закрытия этот и другие экспонаты «Туркестанской коллекции» были переданы в Московский пуб-

* Об истории его создания см. подробнее описания ф. 152 — Азиатский музей (ИВР РАН), ф. 152 — Институт народов Азии АН СССР (СПФ АРАН).

** См., в частности, описания их личных фондов: ф. 87 — Залеман К. Г., ф. 177 — Радлов В. В., ф. 777 — Розен В. Р., ф. 779 — Коковцов П. К., ф. 746 — Соколов М. Н., ф. 1045 — Винников И. Н., ф. 1036 — Пигулевская Н. В., ф. 979 — Фрейман А. А. (СПФ АРАН); ф. 79 — Гинцбург И. И., ф. 119 — Солодухо Ю. А., ф. 158 — Старкова К. Б., ф. 166 — Борисов А. Я. (ИВР РАН).

*** См. описания личных фондов Д. А. Хвольсона: ф. 959 (СПФ АРАН) и ф. 55 (ИВР РАН).

**** Об истории формирования и составе еврейского рукописного собрания бывш. Азиатского музея см. подробнее описание ф. (б. н.) — Еврейский рукописный фонд (ИВР РАН).

***** См. также описания кол. И-674 и И-2205 — Кауфман, фон К. П. (МАЭ).

личный и Румянцевский музей, точнее, в его отделение — Дашковский этнографический музей*.

Другие примеры: в 1898 г. петербургский Музей антропологии и этнографии Императорской АН (МАЭ) получил в дар от собирателя, полковника В. А. Машкова коллекцию «пастушеских труб», включающую среди прочих «бараний рог, в который евреи трубят в синагоге в Новый год и в День Судей», купленный у мастера роговых изделий в Варшаве, а в следующем году музей приобрел у еврейского купца Л. А. Гринберга коллекцию «принадлежностей молитвенного одеяния израильтян», в том числе *талесы*, *тфилин*** и шелковую ермолку⁷.

Несколько позже, в 1907 г. украинский археолог, антрополог и этнограф Ф. К. Волков передал в образованный в 1902 г. Этнографический отдел Русского музея им. имп. Александра III (ныне — Российский этнографический музей) 15 предметов, в частности *талесы*, *тфилин*, синагогальную и домашнюю утварь, а также фотографии***, собранные им во время «этнографических экскурсий» (1904, 1905 гг.) по Восточной Галиции (провинции Австро-Венгрии) и позднее по Вольни (1907 г.); так было положено начало формированию в музее еврейского собрания⁸. В период с 1908 по 1916 г. фонды Этнографического отдела периодически пополнялись новыми еврейскими и караимскими коллекциями, собранными сотрудниками отдела во время экспедиций в различные регионы Российской империи, а также полученными в дар или приобретенными у «собираателей редкостей и торговцев старинными вещами»⁹. В этот период в Этнографический отдел поступило от археолога и этнолога А. А. Миллера 54 предмета, в частности элементы облачения свитков Торы, *ханукия*, несколько *клубот*, станок и инструменты для выделки пергамена, *тахрихим*, а также фотоснимки, привезенные им из командировок в Могилевскую, Витебскую (1908, 1911 гг.), Бакинскую (1907 г.) и Таврическую (1913 г.) губернии****¹⁰. Еще 12 предметов, включая женские головные уборы и мужскую верхнюю одежду, были приобретены для музея этнографом и фольклористом А. К. Сержпутовским в г. Ловиче Варшавской губ. (1909 г.)¹¹. В 1914 г. в музей поступила часть коллекции собирателя Ф. М. Плюшкина, содержащая 18 «предметов еврейской старины», в том числе «образцы ювелирного искусства работы безвестных мастеров Германии и Польши XVIII–XIX вв.»: две серебряные короны для свитков Торы, *ханукии*, *бсамим*, бокалы для обряда *кидуш* и др.¹²

* См. о нем описания ф. 5 и кол. 8764 — Государственный музей народов СССР (РЭМ).

** Значения названий предметов еврейского религиозного обихода, а также религиозных и научных терминов, встречающихся в тексте путеводителя, приведены в глоссарии, настоящее издание, с. 00.

*** См., например, описания кол. 3710 и 3867 — Волков Ф. К. (РЭМ).

**** См. описания кол. 1294, 1308, 2388, 5768 — Миллер А. А.

В 1890-х — 1910-х гг. в архивах Этнографического отдела Русского музея, МАЭ и Императорской археологической комиссии (ныне Институт истории материальной культуры РАН) начали формироваться коллекции фотографий, полностью или частично посвященных различным еврейским этническим группам Российской империи. Многие снимки были выполнены пионерами российской фотографии И. Ф. Барщевским, Д. И. Ермаковым, Н. В. Нехорошевым, Д. А. Никитиным, Ф. Орэном (Н. Ордэ)¹³, А. Энгелем и др.

Фотоснимки из этих коллекций позволяют сделать вывод о том, что к началу XX в. сформировался определенный стандарт экспедиционной фотосъемки, основывавшийся на представлении о «прикладной», «служебной» роли фотографии в этнографической науке¹⁴. В коллекциях этого времени преобладают постановочные фотоснимки, на которых запечатлены еврейские «типы» в праздничной одежде, застывшие перед объективом по стойке смирно, часто похожие на музейные манекены, и «жанровые сцены» из еврейской жизни, то есть всевозможная этническая экзотика. Экспедиционные фотографы, по сути, сами конструировали национальные типы, наряжая фотографируемых в народные костюмы, вкладывая им в руки домашнюю утварь или орудия труда. Такие «документальные» фотографии предьявлялись ученому сообществу в качестве аргументов, на основе которых впоследствии вырабатывалась та или иная интеграционная политика в отношении обследованной национальной группы.

Исключения составляют фотографии, выполненные С. М. Дудиным, выпускником Петербургской АХ, известным фотографом и этнографом, участником экспедиций в Центральную Азию, Туркестан и Западный Китай в 1902–1914 гг.^{*15} В 1900-е — 1910-е гг. Дудин активно выступал в печати по различным вопросам развития фотографии в России, а в начале 1920-х гг., опубликовал две статьи, в которых обобщил личный экспедиционный опыт работы и сформулировал методологические принципы фотофиксации этнографического материала¹⁶. Он утверждал, что «хорошо исполненный снимок должен удовлетворять следующим требованиям. Сцена должна быть, прежде всего, понятной, для чего необходимо, чтобы отношения ее участников друг к другу были выражены вполне определенным и вполне естественным образом. Поэтому снимки, где участники сцены глядят в аппарат, не могут называться удовлетворительными. Вторым условием хорошего снимка будет отсутствие посторонних, органически не связанных с участниками сцены лиц»¹⁷, а также настойчиво призывал фотографов использовать во время этнографической съемки приемы художественной фотографии. Такой подход к этнографической фотосъемке был шагом вперед для своего

* Например, фотоснимки С. М. Дудина, составившие кол. 49 (РЭМ) и И-582 (МАЭ).

времени, и С. М. Дудина по праву можно считать «основоположником разработки фотографического метода в этнографии»¹⁸.

Несмотря на бесспорную научную ценность еврейских вещевых, документальных и фотографических коллекций, формировавшихся в собраниях музеев Петербурга, даже отдельные предметы иудаики экспонировались крайне редко, что в целом отражало общую тенденцию в создании музейных экспозиций конца XIX – начала XX в. Такое положение дел объясняется не только существовавшими культурными ограничениями для евреев Российской империи, но и сложившей практикой работы этнографических музеев. По словам В. А. Прищеповой, занимавшейся изучением истории формирования коллекций МАЭ, этот музей «как академическое учреждение в первую очередь являлся научной лабораторией, и при сборе коллекций не всегда преследовалась цель их дальнейшей демонстрации. Не каждый предмет, представлявший научный интерес, предполагалось экспонировать»¹⁹. Следует отметить, что еврейские музейные коллекции, в особенности этнографические, как, впрочем, и еврейские архивы, оставались вне поля зрения еврейского сообщества и широкой публики²⁰. Мне не удалось обнаружить документов об экспонировании предметов иудаики на выставках, подготовленных Этнографическим отделом Русского музея до 1917 г. Только в путеводителе 1923 г. есть указания на то, что «еврейские экспонаты были выставлены в двух залах: в зале VII, вместе с материалами по белорусам, латышам и литовцам, и в зале XIV, вместе с экспонатами по народам Северного Кавказа и Дагестана»²¹, то есть в то время, когда в Петрограде уже работал на постоянной основе Музей ЕИЭО.

* * *

Создание еврейского музея в столице Российской империи находилось в русле общеевропейской тенденции еврейского музейного строительства. Первый еврейский музей (Jüdische Museum) в мире был открыт в 1895 г. в Вене²². Организатором музея выступило Общество по собиранию и сохранению художественных и исторических памятников иудаизма (Gesellschaft für Sammlung und Konservierung von Kunst und historischen Denkmälern des Judentums), основанное двумя годами ранее эмансипированными венскими евреями, деятелями культуры и науки²³.

В дальнейшем при содействии различных обществ по изучению еврейской культуры, городских еврейских общин и частных коллекционеров иудаики еврейские музеи открылись в Будапеште (1895), Гамбурге (1897), Праге (1906), Копенгагене (1902), Данциге (1903), Вормсе (1912), Вильно (1914), Франкфурте-на-Майне (1922) и некоторых других городах Европы²⁴.

По мнению Рут Эллен Грубер, повсеместное открытие музеев, экспонировавших преимущественно еврейские ритуальные предметы, в этот период стало результатом «стремления ассимилированных и даже секулярных евреев сохранить и представить широкой публике сокровища еврейской религиозной традиции, от которой они дистанцировались. С одной стороны, такая демонстрация еврейского творческого начала способствовала укреплению национального самосознания евреев, с другой — экспонировавшиеся предметы ритуального искусства служили пробным камнем для признания еврейской идентичности предыдущих поколений безусловно устаревшей, хотя и идеализировавшейся в качестве „аутентичной“»²⁵.

В связи с этим представляет интерес задуманная организатором Музея ЕИЭО, еврейским писателем, драматургом и общественно-политическим деятелем Семеном Акимовичем Ан-ским (1863–1920)²⁶ программа организации еврейского музейного строительства, сохранившаяся в виде недатированного черного наброска, озаглавленного «Этнографический музей: его цели и задачи»²⁷. По мнению В. М. Лукина, «текст и сама масштабность программы» дают основание предположить, что она представляет собой «проект выступления Ан-ского на Всероссийском еврейском съезде, в оргкомитет которого он был избран»²⁸. На съезде, помимо других вопросов, связанных с еврейским национальным строительством, предполагалось обсудить задачи еврейского школьного и внешкольного образования. В новых политических условиях, сложившихся после Февральской революции, отменившей все культурные ограничения для российских евреев, Ан-ский считал музей важным инструментом, или точнее институцией, для организации еврейского национального воспитания. При этом еврейское культурное наследие рассматривалось им как ресурс для формирования современной еврейской идентичности и культуры.

По замыслу Ан-ского предполагалось организовать сеть из музеев трех типов — этнографического, художественного и «музея национально-исторических реликвий». Музеи первого типа, представляющие «еврейскую религию, верования, суеверия» и «быт», предполагалось открыть «в каждом городе», с тем чтобы они стали центрами изучения религиозного ритуала в новой, светской школе. В каждой области следовало организовать художественные музеи, перед которыми ставилась задача показать развитие еврейского искусства как историю борьбы народных художников с религиозными «запретами и гонениями». И наконец, вершину данной иерархии должен был занять единственный «Национальный исторический музей», который надлежало создать в Палестине. Этот музей должен был рассказать о «всех терзаниях ев-

рейского народа», но также — о его «исторических радостях» и «великих людях»²⁹.

Открытие Музея ЕИЭО можно считать началом еврейского музейного строительства в России и в СССР, в котором приняли участие представители различных, подчас противостоящих друг другу политических и культурных движений, каждое из которых стремилось реализовать в музеях собственную концепцию еврейской идентичности и культуры.

* * *

Созданию Музея ЕИЭО предшествовала сравнительно скромная выставка ритуальных предметов и книг в Большой хоральной синагоге. Эту выставку курировала Еврейская историко-этнографическая комиссия, которая в 1908 г. была реорганизована в ЕИЭО³⁰.

С 1909 г. в каждом номере издававшегося ЕИЭО научно-исторического журнала «Еврейская старина» печаталось извещение о сборе документов и «памятников старины» для архива и будущего музея, что свидетельствует о постоянной работе по формированию музейной коллекции. В том же году член ЕИЭО С. А. Ан-ский выступил с инициативой грандиозного проекта — еврейской историко-этнографической экспедиции по городам и местечкам в черте еврейской оседлости с целью сбора «материалов по фольклору, <...> исторических материалов по каждой местности, <...> предметов еврейской старины...»³¹ и выполнения «фотографических снимков типов, сцен, исторических мест, памятников, старинных или замечательных зданий, предметов и др.»³². Коллекции, собранные за два полевых сезона работы экспедиции (1912–1913 гг.), впервые были показаны на временной выставке, работавшей несколько месяцев с 19 апреля (2 мая по новому стилю) 1914 г. в помещениях ЕИЭО по адресу: 5-я линия Васильевского острова, д. 50³³. Экспедиционные материалы: предметы и рукописи, в частности, коллекция *пинкасов*, а также фольклорные записи на восковых валиках вошли впоследствии в собрание Музея ЕИЭО³⁴, которое в этот период стало одним из крупнейших в России.

К весне 1917 г. в тех же залах была устроена первая постоянная выставка, включавшая 994 предмета (686 из которых были собраны в ходе экспедиций С. А. Ан-ского), и наконец музей открыл свои двери для посетителей³⁵. По мнению В. Лукина, выставка демонстрировала «различные вариации художественных решений (по оформлению предметов еврейского религиозного обихода. — А. И.), подчеркивая неиссякаемость фантазии и творческих приемов народных мастеров»³⁶.

В сентябре 1917 г., опасаясь за сохранность экспонатов из-за усилившихся беспорядков, грабежей и погромов в городе, сотрудники были вынуждены свернуть выставку и закрыть музей.

Новая экспозиция Музея ЕИЭО была открыта только в июне 1923 г. Теперь она включала «синагогальный комплекс» и отделы «еврейского быта с углами субботы и праздников», «общественного быта (благотворительные дела и т. п.), хасидизма, детских игр», «искусства с музыкальным подотделом и подотделом изобразительного искусства»³⁷. Экспозиция работала до декабря 1929 г., когда по результатам обследования комиссии Евсекции при отделе нацменьшинств ВКП(б) «политического состояния всех еврейских организаций Ленинграда», ЕИЭО и его музей были ликвидированы постановлением административного отдела Лен-облисполкома³⁸. Предметные коллекции и архив Музея, а также архив ЕИЭО были распределены по различным музейным и архивным учреждениям СССР³⁹, впоследствии эти материалы были частично утрачены. В настоящее время уцелевшие документы и предметы из Музея ЕИЭО хранятся в архивах и музеях России, Украины, Белоруссии, Израиля и США⁴⁰.

Важно отметить, что Музей ЕИЭО послужил образцом для инициаторов целого ряда еврейских музейных проектов, успешно реализованных в СССР. Среди них: Первый всеукраинский еврейский музей им. Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе, работавший с небольшим перерывом с 1927 по 1941 г., Туземно-еврейский музей в Самарканде (1927–1938), Еврейский историко-этнографический музей в Тбилиси (1933–1952)^{*41}, а также многочисленные еврейские отделы в краеведческих музеях Бердичева, Николаева, Винницы и других городов.

* * *

В настоящее время предметы, документы и фотографии из собрания бывшего Музея ЕИЭО находятся в фондах ряда музейных и научных организаций Петербурга, например РЭМ, МАЭ РАН, ГМИР, ИРЛИ РАН, ЦПИ**.

Наиболее репрезентативная часть собрания Музея ЕИЭО сосредоточена сегодня в фондах РЭМ. Как следует из документов, отложившихся в архиве РЭМ, в мае 1918 г. С. А. Ан-ский, опасавшийся за судьбу коллекции своего музея, которую пытался реквизирировать Центральный комиссариат по еврейским национальным делам (Евком), передал на временное хранение в Этнографический отдел Русского музея пять

* Сведения об этих музеях содержатся в описаниях: ф. 155 — Комитет учета научных работников и изучения научных сил России (СПФ АРАН); ф. 2 — Российский этнографический музей, кол. 6395 — Первый всеукраинский еврейский музей им. Менделе Мойхер-Сфорима (РЭМ).

** См., например, следующие описания: ф. 2 — Российский этнографический музей, кол. 4976, 12588, 6396 — Музей Еврейского историко-этнографического общества, кол. 6401, 6412 — Юдовин С. Б. (РЭМ); кол. 45F — Ан-ский С. А. (Фонограммархив ИРЛИ РАН).

ящиков, содержащих 390 наиболее ценных предметов и документов из Музея ЕИЭО⁴². В соответствии с условиями, выдвинутыми Русским музеем, они должны были находиться на охраняемом складе не более года и по истечении этого срока поступить в собственность музея, если не будут востребованы Ан-ским⁴³. Однако осенью 1918 г., из-за несогласия с политикой большевиков, Ан-ский вынужден был покинуть Советскую Россию и поселиться в Вильно, затем он переехал в Варшаву, где скончался в 1920 г. ЕИЭО предприняло первую попытку вернуть свои музейные коллекции спустя четыре года после истечения оговоренного периода, но Совет Русского музея «признал нежелательным изъятие данной коллекции из собраний Этнографического отдела, а хранение ее в частных руках государственно нецелесообразным»⁴⁴. В ноябре 1923 г., когда Музей ЕИЭО возобновил свою деятельность, его директор И. Я. Гинцбург* и председатель ЕИЭО Л. Я. Штернберг** вновь подняли этот вопрос перед Русским музеем, а также перед отделом по делам музеев Главнауки Наркомпроса⁴⁵. Однако принятие решения затянулось и договоренность о «временной передаче» в Музей ЕИЭО «большой части культовых и всех мемориальных предметов» была достигнута только 24 апреля 1929 г.⁴⁶

За день до этого, в качестве акта доброй воли, из Музея ЕИЭО в Русский музей были переданы 21 фотография и 23 негатива***⁴⁷, о которых следует сказать особо. Значительную ценность данной фотоколлекции придают снимки, выполненные Соломоном Борисовичем Юдовиным (1892–1954) — впоследствии известным советским художником-графиком — во время историко-этнографических экспедиций под руководством С. А. Ан-ского в 1912–1914 гг.⁴⁸ Следует отметить, что фотоработы Юдовина выходят далеко за рамки этнографической фотографии конца XIX — начала XX в. Он позволял себе игнорировать стандарты этнографической съемки тех лет с ее статичностью и скрупулезной четкостью в фиксации деталей. На снимках Юдовина этнографическая действительность запечатлена без экзотизации, характерной для других экспедиционных фотографов того времени. Он занимался не только «производством старины»⁴⁹, пытаясь запечатлеть образы исчезающей, по его мнению, традиционной еврейской культуры, но и пристально всматривался в жизнь местечек в поисках примет модернизации. Следуя представлениям своего наставника С. А. Ан-ского, Юдовин связывал ее в первую очередь с пролетаризацией российского еврейства⁵⁰. Даже при наличии сюжетного сходства с запечатленными на фотографиях предшественников постановочными сценами из еврейской жизни, ста-

* См. о нем описание ф. 94 — Гинцбург И. Я. (ГРМ).

** См. о нем описание ф. 282 — Штернберг Л. Я. (СПФ АРАН).

*** Находятся в кол. 4997, 12588 — Еврейское историко-этнографическое общество (РЭМ).

рики, дети, ремесленники, извозчики и фабричные рабочие в обычных житейских ситуациях выглядят на снимках Юдовина, как правило, естественно. В этом его можно считать последователем С. М. Дудина. Стремясь создать «портрет народа» в единстве его прошлого и настоящего, Юдовин широко использовал художественные приемы и технические практики пикториализма (от англ. pictorial — ‘живописный’) — направления в фотографии, широко распространенного в России на рубеже XIX–XX вв., а также фоторепортажа. Возможно, главная заслуга Юдовина состоит в том, что на заре развития фотографии он сумел органично соединить в своих работах принципы этнографической съемки с художественными приемами пикториализма и фоторепортажа. Фотографии Юдовина, несомненно, могут быть рассмотрены в контексте развития художественной фотографии в России. Фотоархив экспедиций Ан-ского, фрагменты которого помимо собрания РЭМ имеются в коллекциях МАЭ, ГМИР и ЦПИ*, обладает особой ценностью, поскольку представляет собой результат первого проекта систематической визуализации еврейской жизни в Восточной Европе начала XX в.

Возвращаясь к проблеме «временной передачи» коллекции С. А. Ан-ского из Русского музея в Музей ЕИЭО, следует отметить, что «культовые и мемориальные предметы» так и остались в фондах Этнографического отдела Русского музея, поскольку, как было сказано выше, в начале декабря 1929 г. ЕИЭО и его музей были закрыты⁵¹. После этого состоялось второе поступление предметов из коллекций Музея ЕИЭО в Русский музей. Как указывает ученый секретарь Этнографического отдела ГРМ А. И. Зарембский в своем письме от 22 декабря 1929 г., «собрание Еврейского музея является прекрасным дополнением к коллекции, имеющейся в Этнографическом отделе, и могло бы быть широко использовано в нем, в его политико-просветительной работе. Поэтому в заседании ликвидационной комиссии 16 декабря я — в качестве представителя Этнографического отдела, настаивал на передаче всего Еврейского музея в Этнографический отдел. Ликвидационная комиссия согласилась с моим предложением и предложила немедленно же приступить к приемке и передаче Музея <...> 21-го на работу были направлены еще 2 научных сотрудника и 2 научно-технических. В этот день было отобрано и уложено большое количество основных коллекций. Сегодня, 22 декабря, они на двух подводах были, с разрешения представителей ликвидационной комиссии, перевезены в Этнографический отдел»⁵². В дальнейшем, в связи с обращениями целого ряда организаций, заявивших права на собрание Музея ЕИЭО, решение ликвидационной комиссии было пересмотрено, передача предметов и документов в Рус-

* См.: кол. 2152 — Раппопорт (Ан-ский) С. А. (МАЭ РАН); ф. (б. н.) — Фонд «Фототека» (ГМИР); ф. 3 — Фотоархив экспедиций С. А. Ан-ского (ЦПИ).

ский музей остановлена и коллекции ликвидированного музея рассеяны по различным музейным и архивным хранилищам Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, Минска⁵³.

* * *

Обследование «политического состояния» ленинградских еврейских организаций комиссией Евсекции при отделе нацменьшинств ВКП(б) проходило в рамках ревизии национальной политики конца 1920-х гг. ЕИЭО и его музей с точки зрения советской власти выглядели «националистическими» и одновременно «буржуазными» учреждениями культуры, поэтому их ликвидация в год «великого перелома» была неизбежна. Как предсказывал еще в 1919 г. бывший член Бунда, ставший одним из руководителей Евсекции при ЦК РКП(б) М. Г. Рафес: «Мы, еврейские коммунисты, — большая метла, которая выметет с еврейской улицы <...> всю вашу мелкобуржуазную культуру»⁵⁴.

Коллекции Музея ЕИЭО, как, впрочем, и предметы ритуальной утвари, конфискованные в ходе государственной кампании по закрытию синагог и осевшие на складах Государственного музейного фонда, были использованы совсем не так, как предлагал С. А. Ан-ский в своей программе еврейского музейного строительства. Наиболее ценные предметы еврейского религиозного обихода могли быть проданы за границу через Всесоюзное объединение по экспорту и импорту «Антиквариат» под предлогом сбора средства на восстановления экономики Советского государства*. Кроме того, предметы иудаики использовались в новых музейных экспозициях для демонстрации ущербности религиозных традиций, определявших характер дореволюционной еврейской культуры, по контрасту с «великими достижениями» еврейского национального и культурного строительства в СССР.

Наиболее масштабным музейным проектом такого рода стала выставка «Евреи в царской России и в СССР», работавшая с 1939 по 1941 г. в ленинградском Государственном музее этнографии (ГМЭ; бывш. Этнографический отдел Русского музея**⁵⁵). Эту выставку можно считать своеобразной кульминацией не только общесоюзной агитационно-пропагандистской кампании за «нового советского еврея», в которой такая музейная экспозиция, несомненно, должна была занять ведущее место, но и советского проекта переустройства социально-экономической структуры российского еврейства в целом. Музеефикация достигнутых результатов, в особенности образование Еврейской авто-

* См. описание ф. 1 — Документы Императорского (Государственного) Эрмитажа (Архив Государственного Эрмитажа).

** Подробнее о создании ГМЭ см. в описании ф. 2 — Государственный музей этнографии народов СССР (РЭМ).

номной области в Биробиджанском районе Дальнего Востока СССР, где по заявлению председателя Всероссийского ЦИК М. И. Калинина должна была сформироваться «здоровая советская еврейская национальность»⁵⁶, придавала всем усилиям государства в этом направлении вполне законченный, реализованный вид, научно подтверждала воплощение провозглашенной политики в жизнь. В этой связи важный символический смысл приобрел тот факт, что выставку решено было включить в постоянную экспозицию ГМЭ в качестве одного из отделов. Так подтверждался полноправный статус евреев в качестве одной из национальностей Советского Союза наряду с другими национальностями, которым были посвящены отделы, включенные в постоянную экспозицию музея.

Строительство выставки «Евреи в царской России и в СССР» находилось в ведении еврейской секции, созданной в 1936 г. в ГМЭ по инициативе известного востоковеда проф. Д. М. Позднева^{*57}. После гибели Позднева в сталинских застенках в октябре 1937 г. еврейскую секцию, в которую входили историк религии М. И. Шахнович и лингвист, специалист по истории идиша М. М. Гитлиц, возглавил этнограф и библиограф, бывший член ЕИЭО Исай Менделевич Пульнер (1900–1942)**. Еще в 1931 г. он выступил с основными принципами построения новых и реорганизации старых этнографических экспозиций, посвященных евреям, в музеях СССР. По мысли автора, вполне соответствовавшей духу времени, новые экспозиции должны были отразить «успехи социалистического строительства по всему фронту и, в частности, в еврейской среде»⁵⁸. «Имея своей целью показать жизнь, культуру, быт всех населяющих СССР народов, наши советские музеи должны дать последние на фоне строящегося социализма, — развивал Пульнер исходный тезис своей статьи, — должны показать развитие культуры этих народностей в условиях диктатуры пролетариата, национальной по форме, социалистической по содержанию»⁵⁹. Данные принципы были использованы при разработке плана и создании выставки «Евреи в царской России и в СССР» в ГМЭ, за исключением того, что в качестве основного объекта музейной репрезентации Пульнер выбрал не «еврейское местечко», как ранее предлагал в своей статье⁶⁰, а всю Еврейскую автономную область (ЕАО). Политическая актуальность такого выбора нашла подтверждение в заявлении М. И. Калинина, сделанном 28 мая 1934 г. во время встречи с делегацией рабочих московских предприятий и работниками

* О деятельности еврейской секции см. в описании: ф. 2 — Государственный музей этнографии народов СССР (РЭМ).

** О нем см. описания: ф. 9 и кол. 6411 — Пульнер И. М. (РЭМ), ф. К-1 — Документы Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и кол. И-1820 — Пульнер И. М. (МАЭ РАН), ф. 135 — Институт по изучению народов СССР АН СССР (СПФ АРАН).

еврейской печати. Тогда всесоюзный староста озвучил официальную точку зрения советского руководства: «...образование такой области (ЕАО. — А. И.) в наших условиях есть единственный способ нормального государственного развития <еврейской> национальности», и «лет через десять Биробиджан будет важнейшим, если не единственным хранителем еврейской национальной культуры»⁶¹.

Как следует из самого названия выставки — «Евреи в царской России и в СССР», она была сформирована по принципу контрастного противопоставления «дореволюционной» и «послереволюционной» жизни российских евреев. Соответственно «вводный раздел» выставки был назван «Евреи в царской России — тюрьме народов», а «основной раздел» — «Евреи в СССР — социалистической родине трудящихся»⁶². Основные экспозиционные комплексы этих разделов — «еврейское местечко» и «ЕАО», формировались в основном из собрания иудаики ГМЭ, включая экспонаты из коллекций бывшего Музея ЕИЭО, и материалов, преимущественно документальных и экономико-статистических, собранных экспедицией ГМЭ, работавшей в ЕАО в апреле–июле 1937 г. Следует отметить, что экспедиция проходила в разгар сталинских репрессий, жертвами которых стало все руководство ЕАО и сотни рядовых переселенцев, и выполнить намеченную программу полностью ее участникам не удалось.

Благодаря И. М. Пульнеру, совершившему ряд поездок в 1938 г. в Москву, Киев, Одессу, Тбилиси и Баку с целью сбора материалов и экспонатов для строящейся выставки, на ней экспонировались предметы из собраний Первого всеукраинского еврейского музея им. Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе, Еврейского историко-этнографического музея в Тбилиси и ряда частных коллекций⁶³. Также Пульнеру удалось получить, передать в ГМЭ и частично использовать на выставке архив ликвидированного Центрального совета ОЗЕТ, включавший коллекции «картин и скульптур американских антифашистских художников — подарок ЕАО», фототеку, содержащую тысячи негативов, диапозитивов и фотографий, запечатлевших события еврейской земледельческой колонизации в Крыму, Южной Украине, Биробиджане и на Кавказе⁶⁴, катушки с фильмами, два комплекта коллекций полезных ископаемых ЕАО

* Фотографии стендов, залов, и отдельных экспонатов выставки имеются в кол. ИМ-3 — История Государственного музея этнографии (РЭМ).

** См. описания: кол. 6395 — Первый всеукраинский еврейский музей им. Менделе Мойхер-Сфорима, кол. 6113 — Кадышевич М. А., кол. 6114 — Гиршович В. Э. (РЭМ).

*** См. описания: кол. 6235, 6317, 12902, 13166, 13302, НВ13816, НВ13819 — Центральный совет Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР (РЭМ). Также фотографии по данной тематике имеются в ф. III — Фонд фотоматериалов и ф. IX — Фонд негативов (ГМПИ); ф. 6 — Фотоархив Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР (ЦПИ).

и библиотеку, насчитывавшую сотни комплектов журналов, сборников, газет, книг и брошюр на еврейском, русском и иностранных языках⁶⁴.

Оформление выставки было поручено ленинградским художникам, архитекторам, макетчикам Г. Н. Трауготу, Д. Е. Загоскину, А. Л. Каплану, Н. С. Забровскому, Г. Н. Иванову, В. И. Ароновичу, Я. М. Шуру, В. В. Башинскому и др., создавшим для экспозиции обстановочные сцены, макеты, живописные и скульптурные работы, фотомонтажи, красочные карты и диаграммы, отчасти компенсировавшие отсутствие этнографических материалов в «основном разделе» выставки, посвященном ЕАО. В частности, Г. М. Траугот выполнил по натурным эскизам, сделанным в биробиджанской экспедиции ГМЭ 1937 г., два настенных панно в технике фресковой живописи: Южная (Приамурская) и Северная (Прижелезнодорожная) части ЕАО. Эти фрески стали бесспорным идеологическим центром «основного раздела», если не всей экспозиции.

Активное участие в подготовке выставки принял С. Б. Юдовин, создавший для нее рисунки, гравюры, а также эскизы лепных плафонов, составленных из элементов еврейского народного орнамента, и обстановочных сцен «Дореволюционное еврейское местечко» и «Пуримшпиль». Для этого он ездил летом 1938 г. в Белоруссию в свое родное местечко Бешенковичи, где разыскал бывших участников *Пуримшпилей* и зарисовал костюмы пуримшпилеров. Юдовин входил вместе с представителями руководства ГМЭ в комиссию по приемке живописных работ и макетов и выступал в роли консультанта. И. М. Пульнер высоко оценил работу Юдовина по созданию экспозиции, назвав его «замечательным художником» и «прекрасным знатоком старого (еврейского. — А. И.) быта»⁶⁵.

Судя по отложившимся в архиве РЭМ протоколам совещаний комиссии по приемке экспозиции «Евреи в царской России и в СССР», официальным отзывам представителей музеев, институтов и творческих союзов, а также книгам отзывов с записями рядовых посетителей, отношение к выставке было неоднозначным. Если «вводный раздел» экспозиции был воспринят в целом положительно, то «основной раздел», посвященный ЕАО, вызвал много критических замечаний, сводившихся в основном к необходимости «расширить раздел, отражающий жизнь евреев в СССР», поскольку «жизнь евреев в Биробиджане отражает только часть общей жизни еврейской нации»⁶⁶. Авторы подобных записей в книге отзывов были не готовы идентифицировать себя с биробиджанскими рабочими и колхозниками. Для большинства из них, независимо от социального положения, культурными героями являлись известные представители еврейской интеллигенции — музыканты, писатели, художники, актеры, интегрированные в московскую или ленинградскую творческую элиту.

Выставка «Евреи в царской России и в СССР», открывшаяся в период сворачивания еврейского хозяйственно-культурного проекта в Советском Союзе, по сути, стала его своеобразным мемориалом. Пафосный, помпезный стиль сталинской монументальной пропаганды, задействованный для построения экспозиции в ГМЭ, увековечивал «достижения ленинско-сталинской национальной политики среди евреев за двадцать лет», но не мог адекватно отразить реальную жизнь еврейских колхозов и строек ЕАО со всеми их проблемами.

В процессе подготовки выставки еврейские коллекции ГМЭ были существенно пополнены новыми материалами. И. М. Пульнер даже намеревался создать «совещание представителей Музеев, занимающихся изучением этнографии евреев, а также еврейских этнографов»⁶⁷, для того чтобы выработать механизмы для дальнейшего пополнения еврейских коллекций ГМЭ новыми экспонатами из различных музеев СССР. Однако этим планам не суждено было сбыться из-за начала Великой Отечественной войны. В июне 1941 г. выставка «Евреи в царской России и в СССР» была демонтирована в связи с эвакуацией музея, И. М. Пульнер умер в январе 1942 г. в блокадном Ленинграде, еврейская секция в ГМЭ была закрыта, а еврейская тема в советских этнографических музеях, да и в советской науке и культуре в целом с конца 1940-х — начала 1950-х гг. оказалась фактически под запретом на несколько десятилетий.

Как пишет зам. директора РЭМ Н. Н. Прокопьева, первая еврейская временная выставка «Тропюю Ан-ского» открылась в музее в 1992 г. «Следующим этапом стала выставка „...И прошел над ним ветер...“ (1996 г.), представлявшая жизнь еврейского местечка в царской России, полностью разрушенного трагическими событиями XX века. Все они состоялись в РЭМ благодаря исследованиям и экспозиционной подготовке материалов сотрудником музея Л. Б. Урицкой. В выставке 2004 г. „Образы одного народа“ коллектив музея постарался показать культуру разных групп евреев, проживавших в различных частях Российской империи»⁶⁸. И только в 2007 г. в залах РЭМ была развернута постоянная экспозиция «История и культура еврейского народа на территории России», представившая значительное число экспонатов из собрания бывшего Музея ЕИЭО, а также из еврейских коллекций Кавказа и Средней Азии.

* * *

Одним из ключевых элементов агитационно-пропагандистской кампании за «нового советского еврея» стала борьба с иудаизмом и «воспитание атеистического мировоззрения еврейских трудящихся»,

что в итоге должно было привести к полному искоренению еврейской религиозной жизни в СССР. Отношение к ней диктовалось полным неприятием «клерикальных» — с точки зрения идеологов Евсекции при ЦК ВКП(б), курировавших антирелигиозную политику, — форм еврейской культуры, рассматривавшихся в качестве проводников враждебных идеологий: еврейского национализма и сионизма. Как отмечал в своем антирелигиозном памфлете молодой религиовед М. И. Шахнович, «под флагом синагог среди еврейского населения ведется ожесточенная контрреволюционная работа»⁶⁹.

Ведущая роль в разоблачении «классовой сущности иудаизма как религии еврейской буржуазии» была возложена на советские музейные учреждения. В середине 1920-х гг., под эгидой Союза безбожников (с 1929 г. — Союз воинствующих безбожников), стали открываться в массовом порядке антирелигиозные музеи, соответствующие отделы и кабинеты во всех существовавших музеях, независимо от их профиля, а также разного рода антирелигиозные выставки. Многие из них имели разделы, посвященные иудаизму.

На основании названия к таким музейным проектам формально можно отнести «Антирелигиозную выставку», торжественно открывшуюся в залах Зимнего дворца 15 апреля 1930 г.⁷⁰ Эта грандиозная по размеру выставка, включавшая множество оригинальных предметов религиозного обихода и разнообразный вспомогательный материал, была построена в соответствии с научной концепцией, разработанной выдающимся этнографом Владимиром Германовичем Таном-Богоразом (1865–1936)*, в то время сотрудником МАЭ. По его мнению, антирелигиозные выставки должны были отражать «типологию и эволюцию религии»⁷¹, основывавшиеся на теории Карла Маркса об общественно-экономических формациях, а религиозные явления следовало показывать «в том виде, в каком они есть на самом деле, не исключая их притягательной силы, и разоблачать их углубленными аргументами и способами», а не окарикатуривать, так как «эта вульгарная стадия антирелигиозной пропаганды давно миновала»⁷². Подробно описывая отдел «Иудаизм» на «Антирелигиозной выставке» в статье, опубликованной в 1930 г. в научно-методическом ежемесячнике «Антирелигиозник», Тан-Богораз отмечал такие экспонаты, как «рисунки, изображающие типы семитов-кочевников, заимствованные с египетских стенных росписей <...>, картины земледельческих работ, изображающие золотого тельца, священного дуба Авраама в Хевроне, реконструкция Соломонова храма <...>, фотографии, изображающие религиозные обряды современных евреев, связанные с рождением, браком и смертью <...>»,

* См. о нем описание ф. 250 — Богораз-Тан В. Г. (СПФ АРАН).

например, могилу *цадика* (еврейского святого) и *квитлах* — записки-прошения, оставляемого верующими на могиле *цадика* <...>, *талес* — полосатое молитвенное облачение, филактерии, одеваемые на лоб и левую руку во время молитвы, субботние свечи и подсвечники <...> и, наконец, на особой подставке — Талмуд»⁷³.

К работе по созданию отдела «Иудаизм» на «Антирелигиозной выставке» был привлечен И. М. Пульнер, который в 1929 г. закончил обучение на этнографическом отделении Географического факультета ЛГУ, где преподавал В. Г. Тан-Богораз*. При участии Пульнера на выставке экспонировались графические работы С. Б. Юдовина, посвященные еврейским религиозным обрядам⁷⁴.

В. Г. Тан-Богораз предполагал, что «Антирелигиозная выставка» станет основой для создания антирелигиозного музея в структуре МАЭ⁷⁵. Однако впоследствии выставка была реорганизована в Музей истории религии АН СССР (МИР), а его директором был назначен Тан-Богораз**. Находившиеся в распоряжении «Антирелигиозной выставки» предметы иудаики и изобразительные материалы по еврейской тематике, включая рисунки, рукописные плакаты и фотографии Юдовина, часть из которых предположительно была выполнена для Музея ЕИЭО, перешли в ведение МИР***⁷⁶.

Для размещения музейных фондов и ведения выставочной деятельности в распоряжение МИР было передано здание Казанского собора, и в 1933 г. там была открыта постоянная экспозиция, а также временная выставка «Классовая роль иудаизма» в связи с проводившейся в том время «кампанией против еврейских праздников»⁷⁷.

До завершения работы по созданию отдела «Иудаизм» на «Антирелигиозной выставке» И. М. Пульнер приступил к устройству аналогичного отдела в Государственном антирелигиозном музее, бывшем Исаакиевском соборе (ГАМБИС)****. В 1931 г. там открылась антирелигиозная экспозиция, включавшая такой отдел, где также демонстрировались предметы еврейского религиозного обихода, фотографии и рисунки, изображающие ритуалы иудаизма⁷⁸. Следует отметить, что концепция организации отдела, разработанная И. П. Пульнером, подверглась критике со стороны идеологов антирелигиозной пропаганды. Так, напри-

* См. описания ф. 1 — Санкт-Петербургский государственный университет и ф. 3 — Ленинградский географический институт (ОА СПбГУ).

** См. описания ф. 1 — Государственный музей истории религии (ГМИР) и ф. 221 — Музей истории религии АН (СПФ АРАН).

*** См. описания: кол. VII — Собрание материалов по истории религий Востока, коллекция «Иудаизм», ф. (б. н.) — Фонд «Иудаизм», ф. (б. н.) — Фонд «Фототека» (ГМИР).

**** См. описание: ф. 330 — Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» Главного управления культуры Ленгорисполкома (ЦГАЛИ СПб) в дополнении 3 в настоящем издании.

мер, обозреватель журнала «Антирелигиозник», подписавшийся инициалом «К.», отмечал, что данная экспозиция репрезентирует иудаизм «вне классовой роли, вне социальной среды»⁷⁹.

В 1938 г., профиль Исаакиевского собора был переопределен на «музей-памятник», в соответствии с чем главным «объектом показа» стал сам собор⁸⁰. Часть его непрофильных коллекций, включая рисунки и рукописные плакаты, выполненные С. Б. Юдовиным, была передана в постоянное пользование МИР⁸¹.

Следующее существенное пополнение еврейских коллекций МИР состоялось в 1946 г. в связи с передачей предметов иудаики из собрания ликвидированного Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ), работавшего в Москве с 1929 г. В 1932 г. в рамках экспозиции ЦАМ был устроен отдел «Иудаизм», где были показаны главным образом предметы религиозного обихода⁸². В 1930-е гг. в собрание ЦАМ поступали предметы из синагог, закрытых советской властью, в это же время музей заказывал и приобретал произведения живописи и графики, которые впоследствии вошли в собрание иудаики МИР. Последнее значительное пополнение фонда «Иудаизм» произошло в 1954 г., когда в МИР были переданы предметы из Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве, в том числе, коллекция свитков Торы и иллюминированные Книги Эсфирь.

С 1932 г. курирование приобретения предметов иудаики для музея находилось в ведении уже упоминавшегося выше Михаила Иосифовича Шахновича (1911–1992), который в 1944 г. был назначен заместителем директора по научной работе МИР. Он также был ответственным за «разработку экспозиции отдела по иудаизму» в музее⁸³. Этот отдел был открыт в 1933 г., затем в него были добавлены дополнительные материалы, «заострявшие экспозицию такового в сторону выявления классовой основы иудаизма в различные эпохи его существования, с упором на современность»⁸⁴. Согласно «Объяснительной записке, разъясняющей и обосновывающей принципы, положенные в основу экспозиции Музея истории религии АН СССР» от 15 октября 1938 г., на предвоенной экспозиции отдела «Иудаизм» в МИР, состоявшей из «трех разделов, разбросанных в разных отделах музея, соответственно периоду, освещаемому в экспозиции», было показано свыше 200 экспонатов — макетов, картин, подлинных предметов и документов⁸⁵. Экспозиция освещала широкий круг вопросов «происхождения и развития иудейской религии, библейских сказаний в свете древневосточных культур, средневековой иудейской инквизиции, контрреволюционной роли иудаизма и антисемитизма в царской России <...>, преследование фашистами еврейских трудящихся в Германии, безбожие среди еврейского населения в СССР»⁸⁶.

В годы Великой Отечественной войны музейная экспозиция была свернута, но сотрудники МИР поддерживали сохранность музейных коллекций и открывали временные военно-исторические выставки. После окончания войны, в процессе создания новых постоянных экспозиций МИР (с 1954 г. — Государственного музея истории религии и атеизма АН СССР; ГМИРиА) в Казанском соборе, репрезентация иудаизма в итоге оказалась лишь к одному разделу «Иудейские источники христианства». В этом разделе демонстрировались преимущественно гипсовые слепки, выполненные по репродукциям фотографий археологических артефактов, найденных в Палестине, — амулетов и монет, картины, рисунки и репродукции на тему библейской истории, а также иллюстрированные таблицы и цитаты из сочинений классиков марксизма о происхождении евреев⁸⁷.

А. В. Соколова, изучавшая экспозиционную политику МИР, справедливо отмечает, что «в музейных экспозициях в 1930-е гг. конкурировали между собой <...> научно-просветительский и агитационно-пропагандистский дискурсы. Первый строился с опорой на оригинальные артефакты: предметы, задействованные в религиозных практиках, произведения искусства, документы и фотографии с натуры; второй — на всевозможном иллюстративном материале, нередко лишенном художественной ценности, а также разного рода пояснительных текстах. Можно утверждать, что эта конкуренция нередко превращалась в симбиоз, причем второй компонент, как наиболее агрессивный, всецело подчинял себе первый»⁸⁸. К этому можно только добавить, что в экспозициях ГМИРиА 1950-х — 1960-х гг. агитационно-пропагандистский дискурс одержал окончательную победу над дискурсом научно-просветительским, во всяком случае оригинальные предметы иудаики не экспонировались.

Архивные документы и музейные путеводители этого времени указывают на то, что только отдельные произведения искусства, тематически связанные с еврейской историей, демонстрировались в залах ГМИР, причем без какого-либо указания на эту связь. В разделе «Инквизиция в Испании в XV—XVI вв.» экспонировался гипсовый горельеф 1902 г. работы М. М. Антокольского*, известный под названием «Нападение инквизиции на евреев в Испании во время тайного празднования ими Пасхи». Симптоматично, что в путеводителе этот горельеф назван просто «Инквизиция», а в приведенной ниже цитате из высказывания В. В. Стасова о значении данного произведения Антокольского упоминания о евреях исключены и заменены многоточиями⁸⁹. Аналогичным образом из еврейского контекста была исключена и другая скульптура М. М. Антокольского — гипсовый портрет Бенедикта Спинозы, экспонировавшийся в разделе «Свободомыслие и атеизм в науке XV—XVIII вв.».

* См. о нем в описании ф. 21 — Антокольский М. М. (ГРМ).

В короткой справке о нем сообщалось только, что произведения известного голландского философа-материалиста Спинозы подвергались преследованиям «религиозных мракобесов»⁹⁰.

Такая фигура умолчания, вероятно, была продиктована последствиями недавней кампании по борьбе космополитизмом, которая сопровождалась обвинениями евреев в «безродном космополитизме» и враждебности к патриотическим чувствам советских граждан. В силу этого репрезентировать евреев в качестве культурных героев, пусть даже борющихся с «религиозным мракобесием», могло вызвать недовольство надзирающих органов.

Новый подробный экспозиционный план отдела «Иудаизм» ГМИРиА был разработан в 1970 г. научным сотрудником музея Э. А. Гордоновой*. Задуманная экспозиция, по словам автора плана, должна была «представить в исторической последовательности развитие иудаизма от возникновения до наших дней, показать, что возникший в глубокой древности иудаизм изменялся в соответствии с заменой одних форм общественных отношений другими»⁹¹. Тематическая структура плана предусматривала разделение экспозиции на пять разделов: «Возникновение иудаизма: древнейшие верования евреев эпохи становления и разложения родового строя — политеизм; образование Иудейского царства, формирование монотеизма; Ассиро-Вавилонское завоевание, появление веры в Мессию; иудейское Священное Писание — Ветхий завет (Еврейская Библия), Талмуд (Религиозно-правовой кодекс, критика Ветхозаветных книг и Талмуда <Уриэлем> Акостой и Спинозой; культ в иудаизме: обряды и праздники; иудаизм в современном мире: в государстве Израиль, в Америке; преодоление пережитков иудаизма в СССР»⁹². В экспозиции предполагалось использовать картины, гравюры, фотографии, еврейские открытки, а также оригинальные предметы из коллекции музея. Несмотря на идеологическую выверенность плана, который вполне вписывался в рамки развернутой в СССР в 1970-е гг. антисионистской кампании, он так и не был реализован. Как сообщает изданный в 1981 г. путеводитель по ГМИРиА, в экспозицию этого времени входил только раздел «Религии Иудеи, Малой и Передней Азии», в котором, в связи с «малочисленностью материалов, относящихся к становлению религии древней Иудеи, были использованы культовые предметы (свиток Торы, семисвечник и т. д.), относящиеся к XIX в.»⁹³.

Принципиально новый этап в истории музея наступил после перестройки 1986–1991 гг., когда задачи антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания потеряли актуальность, и ему было воз-

* См. описание ф. 195 — Ленинградский государственный музей истории религии и атеизма (ЦГАЛИ) в кн.: Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. Путеводитель. [Т. 2:] Региональные архивы. С. 430–433.

вращено первоначальное название — Государственный музей истории религии (ГМИР). В мае 1991 г. было принято решение передать ГМИР здание на Почтамтской улице, в которое после его реконструкции в 2000 г. переехал музей. Впервые в России после почти векового перерыва музейный комплекс разместился в специально оборудованном и специально приспособленном для музейных нужд здании.

В новой постоянной экспозиции ГМИР 2001–2010 гг. был открыт раздел «Древний иудаизм», в котором наряду с оригинальными предметами иудаики по-прежнему демонстрировались муляжи и репродукции. В рамках реэкспозиции 2012 г. этот раздел был полностью обновлен; его экспонаты были скомпонованы в группы на основе иконографического принципа, так, чтобы посетители музея смогли познакомиться с традицией обращения к библейским мотивам, а также к персонажам и сюжетам, связанным с Иерусалимским Храмом, в декоре предметов еврейского религиозного обихода из Западной и Восточной Европы (XVIII — начала XX в.).

Одна из крупнейших еврейских временных выставок последних лет — «Обыкновенная синагога» (авторы: В. Дымшиц, А. В. Соколова), подготовленная ГМИР совместно с ЦПИ, открылась в музее в 2010 г. На этой выставке были представлены предметы синагогальной утвари из собрания ГМИР, многие из них впервые, и снимки 1912–1914 гг. из экспедиционного фотоархива С. А. Ан-ского и собрания Музея ЕИЭО, хранящиеся в ЦПИ. Посетители могли увидеть предметы синагогального обихода, а также запечатленных на старых фотоснимках самих прихожан и их синагоги, уничтоженные в годы Второй мировой войны и антирелигиозных кампаний в СССР. По словам А. В. Соколовой, «синагоги <...> принадлежат к наиболее полноценному виду еврейских *мест памяти* <...> и обладают свойством вызывать у человека ощущение присутствия в мире „тогда“ живших людей и прошедших событий. Рассматривая экспедиционные фотографии еврейских архитектурных достопримечательностей, можно испытать „эффект присутствия“ в воображаемом мире „еврейской старины“, созданном Ан-ским»⁹⁴.

Представляется, что ощущение погруженности в драматическую историю формирования, экспонирования и сохранения коллекций иудаики в петербургских музеях, которые также воспринимаются сегодня как места памяти утраченного традиционного мира российского еврейства, составляет главный внутренний нерв данной книги.

* * *

В результате многолетних усилий сотрудникам проекта удалось выявить и описать в двадцати петербургских архивохранилищах

413 фондов и коллекций, представленных в данном издании. Разнообразные по составу материалы этих фондов и коллекций как еврейского, так и нееврейского происхождения охватывают широкий период, начиная с XV в. — вплоть до наших дней.

Подробные сведения о критериях отбора материалов, принципах их систематизации и структуре пофондовых описаний, включенных в третий том путеводителя, приведены в предисловии к первой его части. Поэтому представляется целесообразным остановиться лишь на отличительных особенностях материалов, включенных во вторую часть данного архивного справочника.

В ряде фондов музеев и архивов письменные или визуальные источники хранятся вместе с вещевыми коллекциями и не выделяются в отдельные комплексы документов, в этом случае в путеводителе указывается название всего фонда, иногда без обозначения его номера, если таковой отсутствует в системе учета данного учреждения. В учетных документах некоторых коллекций не указан их фактический фондообразователь, тогда в соответствии с принятым форматом описаний название коллекции приведено в квадратных скобках. Некоторые фонды и коллекции на момент подготовки описаний находились в стадии научно-технической обработки, в результате чего не все отложившиеся в них документы были доступны. В таком случае в подстраничной сноске к описанию имеется специальное указание на то, какому времени соответствуют сведения о фонде, приведенные в путеводителе.

Одной из проблем, с которыми столкнулись сотрудники проекта в процессе работы, стала ограниченность или отсутствие доступа как к некоторым отдельным делам, так и целым массивам документов, отложившихся в петербургских депозитариях. Причины тому были разные: физическое состояние документов, требовавших реставрации, перефондирование отдельных массивов материалов и даже переезд некоторых архивных учреждений в новые здания. В связи с этим в дополнении к данному изданию помещены описания фондов РГИА, ЦГИА СПб, ЦГАЛИ СПб и ОР РНБ, которые ранее не были доступны.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что «петербургская серия» межархивных справочников существенно расширяет источниковую базу для изучения истории и культуры евреев, было бы преувеличением считать, что она полностью закрывает данную тему. В петербургских архивохранилищах имеются значительные массивы необработанных или частично обработанных еврейских документов, оказавшихся недоступными для работы. Среди них можно назвать, например, комплексы документов историка, библиографа и еврейского общественного деятеля А. И. Браудо (ОР РНБ), раввина А. Н. Драбкина (РЭМ), караимоведа И. Я. Неймана (Круглевича), историка и вос-

токоведа И. Ш. Шифмана (ИВР РАН), художника и искусствоведа Д. Н. Гобермана (ЦГАЛИ СПб), художника Н. И. Альтмана и скульптора И. Я. (Э.) Гинцбурга (ГРМ) и др. Хочется надеяться, что постепенно такого рода материалы станут доступны для исследователей и в недалеком будущем их описания дополнят «петербургскую серию».

* * *

В выявлении и подготовке предварительных пофондовых описаний на разных этапах подготовки настоящего путеводителя принимали участие сотрудники архивных учреждений и исследователи, специализирующиеся в различных областях иудаики: А. С. Адамович, В. Л. Амчиславский, А. Н. Анфертьева, М. В. Бруцкая, В. А. Викторовская, М. В. Витенберг, Я. А. Войтенко, Е. З. Гончарова, Т. М. Гельфман, Д. Б. Гидон, М. А. Гулакова, О. В. Дашевская, В. А. Дымшиц, Т. Г. Емельяненко, В. Е. Кельнер, А. А. Крупнова, А. М. Кубрина, О. Ю. Минкина, О. Ю. Мирная, Е. Л. Мороз, А. Н. Некрасова, В. О. Никитин, Е. С. Норкина, Н. С. Прохоренко, Ю. С. Рец, А. В. Соколова, А. В. Старов, И. В. Тарасова, Д. А. Удалова, А. С. Френкель, Е. В. Хаздан, С. Е. Хаздан, А. С. Ханнина, М. В. Хаккарайнен, М. Б. Шамардина, А. А. Эмирова.

В работе над отдельными разделами рукописи данного тома принимали участие М. В. Бруцкая (ПИИ), Е. З. Гончарова (ИИМК РАН), О. Ю. Мирная (ИВР РАН), В. О. Никитин (ВИМАИВиВС), И. В. Тарасова и А. В. Соколова (ГМИР); перевод предисловия на английский язык выполнил А. Браун.

Научные редакторы-составители путеводителя выражают искреннюю благодарность за помощь в процессе его подготовки президенту РГГУ проф. Е. И. Пивовару, первому проректору РГГУ проф. А. Б. Безбородову и зав. кафедрой всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ проф. Н. И. Басовской. Особо хотелось бы поблагодарить директора «Project Judaica», проф. Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке Д. Фишмана и проф. Европейского университета в Санкт-Петербурге, научного сотрудника ЦПИ В. Е. Кельнера, взявших на себя труд прочитать рукопись и поделившихся с авторами ценными критическими замечаниями, предложениями и дополнениями.

Существенную помощь участникам проекта в работе с документальными фондами была оказана руководителями и сотрудниками музейных и архивных учреждений, за что авторы путеводителя выражают персональную признательность — руководителю отдела рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа Е. М. Яковлевой; зав. отделом рукописей научного архива ГРМ Н. Г. Шабалиной; зам. директора РЭМ по учету, хранению и реставрации Н. Н. Прокопьевой, зав. архивом музея А. Н. Копаневой и хранителю отдела этногра-

фии народов Белоруссии, Украины, Молдавии В. В. Гавришиной; зав. научным архивом МАЭ К. В. Радецкой; директору ГМИР Л. А. Мусиенко, зам. директора Е. А. Терюковой, главному хранителю Е. В. Денисовой и зав. научным архивом И. В. Тарасовой; зам. директора по научной работе ГМПИ Е. К. Костюшевой и сотрудникам документального фонда С. А. Ходоковской и В. М. Ушаковой; директору ВИМАИВиВС В. М. Крылову; директору СПФ АРАН И. В. Тункиной, зав. читальным залом Н. С. Прохоренко и сотруднику отдела информационного обеспечения и учета документальных материалов Е. Н. Груздевой; директору СПБНИИ РАН В. Н. Плешакову; директору и зав. отделом рукописей и документов ИВР РАН И. Ф. Поповой, главному библиотекарю И. О. Волковой и сотрудникам Архива востоковедов М. В. Фионину и отдела рукописей документов А. И. Полесицкой; директору ИИМК РАН В. А. Лапшину, зав. научным архивом М. В. Медведевой и сотрудникам архива Н. А. Беловой, Е. В. Бобровской, Д. А. Куниной, Н. Д. Моисеевой, Е. В. Четверкиной; директору ИРЛИ В. Е. Багно и зав. рукописным отделом Т. С. Царьковой; зав. кабинетом рукописей РИИИ Г. В. Копытовой; зав. ОА СПбГУ Л. И. Панасенко, ректору ПИИ Д. А. Эльяшевичу.

Отельная благодарность за советы и консультации по сбору материалов и подготовке путеводителя — друзьям и коллегам, прежде всего, Е. И. Меламеду, М. Бейзеру, В. А. Дымшицу, В. М. Лукину, Лоррэн де Мо, М. С. Тольцу, Б. Я. Фрезинскому, О. Е. Шухман, Деборе Ялен, С. М. Якерсону.

Александр Иванов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. Путеводитель. [Т. 1:] Федеральные архивы / Науч. ред.-сост. А. И. Иванов, М. С. Куповецкий, А. Е. Локшин. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011; [Т. 2:] Региональные архивы / Науч. ред.-сост. А. И. Иванов, М. С. Куповецкий. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2013; [Т. 3:] Ведомственные архивы. Ч. 1 / Науч. ред.-сост. А. И. Иванов, М. С. Куповецкий. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2015. О проекте «Документы по истории и культуре евреев в архивах России, Украины и Белоруссии» см. подробнее в предисловиях к предыдущим томам «петербургской серии».

² См.: Еврейская старина. 1914. № 7. С. 511.

³ См. об этом собрании еврейских рукописей подробнее в Предисловии к кн.: Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга [Т. 3.] Ч. 1. С. 14–17.

Следует отметить, что первые в Европе еврейские коллекции в исторических и художественных музеях и библиотеках Франции и Германии, так же, как и в России, формировались благодаря усилиям частных собирателей и меценатов; например, коллекция предметов иудаики Исаака Штрауса, приобретенная у него в 1887 г. бар. Н. М. де Ротшильдом и подаренная в 1890 г. его женой парижскому Музею Клуни (См.: *Klagsbald V. Catalogue raisonne de la collection juive du muse de Cluny / Ministere de la Culture. Paris, 1981. P. 7–9*).

- 4 Якерсон С. М. Избранные жемчужины. Уникальные памятники еврейской культуры в Санкт-Петербурге: (рукописи, документы, инкунабулы, культовая утварь). СПб.: Санкт-Петербургская религиозная община, 2003. С. 24.
- 5 Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ), ф. 5, оп. 4, д. 36.
- 6 Другое название этой коллекции — «кауфмановская» по имени генерал-губернатора Туркестанского края К. П. фон Кауфмана, который оказал большую организационную и финансовую помощь в ее комплектовании.
- 7 Эти коллекции зарегистрированы в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) под номерами 406 и 494.
- 8 См.: Урицкая Л. Б., Якерсон С. М. Еврейские сокровища Петербурга. Ашкеназские коллекции Российского этнографического музея. СПб.: Арка, 2009. С. 11–12.
- 9 Там же. С. 70.
- 10 Там же. С. 52.
- 11 Там же. С. 70.
- 12 Там же.
- 13 По мнению В. А. Прищеповой, при регистрации кол. 255 в МАЭ имя автора фотографий было указано неверно, и правильное его написание — Н. Ордэ. См. подробнее: Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. С. 58–59.
- 14 См.: Сабурова Т. Реликвии отечественной истории. Из фондов Государственного исторического музея // Русская фотография: Середина XIX — начало XX века. М.: Планета, 1996. С. 29.
- 15 О С. М. Дудине см. следующие работы: Прищепова В. А. К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 608–649; Вишневецкая В. А. Из жизни и деятельности С. М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сб. науч. трудов. СПб.: Гос. музей этнографии, 1992. С. 84–106.
- 16 Дудин С. М. Фотография в научных поездках // Краеведение. М.; Пг., 1923. № 1–2. С. 31–53; *Его же*. Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный вестник. Казань, 1921. № 1–2. С. 31–53.
- 17 Там же. С. 51.
- 18 Прищепова В. А. К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина — художника, этнографа. С. 629.
- 19 Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. С. 23.
- 20 Об изучении еврейских письменных источников по истории и культуре евреев, отложившихся в государственных архивах Российской империи в 1860-х — 1910-х гг., см. Предисловие к кн.: Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга. [Т. 1.] Федеральные архивы. С. 16–18.
- 21 Крупник И. Судьба коллекции: из истории формирования еврейских фондов Государственного музея этнографии народов СССР // ВЕК (Вестник еврейской культуры). Рига, 1990. № 2(5). С. 43. О формировании этнографических коллекций евреев Средней Азии и Кавказа см.: Емельяненко Т. Коллекции по бухарским евреям в собрании Российского этнографического музея // Еврейский музей: Сб. статей. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 11–26; Дмитриев В. Коллекции по горским евреям в собрании Российского этнографического музея // Там же. С. 27–49; Facing West. Oriental Jews of Central Asia and the Caucasus. Exhibition catalogue. Zwolle: Waanders, 1997.
- 22 См.: Jewish Museum Vienna: from A to Z / Ed. by M. Feurstein-Prasser. Munich; Berlin; London; New York: Prestel Publishing, 2006. P. 90.

- ²³ Среди членов Общества по собиранию и сохранению художественных и исторических памятников иудаизма были такие известные представители еврейской интеллигенции, как президент Общества, архитектор В. Стясны, актер и театральный деятель А. фон Зонненталь, врач А. Полицер, художник И. Кауфман и востоковед Д. Г. Мюллер. В числе членов-корреспондентов Общества был российский гебраист А. Я. Гаркави. О деятельности и составе членов Общества, а также о работе Еврейского музея в Вене см. подробнее в брошюре: *Dritter Jahresbericht für das Jahr 1898*. Wien: Verlag der Gesellschaft, 1900. S. 8–9; 21–22; 25.
- ²⁴ *Gruber R. E. Virtually Jewish. Reinventing Jewish culture in Europe*. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 159. См. также: *Freudenheim T. L. The Obligation of the Chosen: Jewish Museums in the Politically Correct World // European Judaism*. 2001. Vol. 34. № 66. P. 80–81.
- ²⁵ *Gruber R. E. Virtually Jewish. Reinventing Jewish culture in Europe*. P. 160.
- ²⁶ О жизни и деятельности С. А. Ан-ского см.: *Les cahiers du judisme*. — № 19 / Numéro spécial: An-sky, un home entre les mondes. Paris: Éditions Carpentier, 2005–2006. P. 4–85; *The Worlds of S. An-sky: A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century / Eds. by G. Safran, S. Zipperstein*. Stanford University Press, 2006; *Урицкая Л. Б., Якерсон С. М. Еврейские сокровища Петербурга. Ашкеназские коллекции Российского этнографического музея*. С. 53–55, 73–88; *Safran G. Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-sky*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2010.
- ²⁷ Копия данного документа имеется в частной коллекции В. М. Лукина (Иерусалим).
- ²⁸ *Лукин В. «...Академия, где будут изучать фольклор» // Еврейский музей*. С. 89.
- ²⁹ Там же. С. 90–92.
- ³⁰ Там же. С. 79–80.
- ³¹ Цит. по: *Канцедикас А., Сергеева И. Альбом еврейской художественной старины Семена Ан-ского*. М.: Мосты культуры, 2001. С. 37.
- ³² Там же. С. 37, 39.
- Об историко-этнографических экспедициях С. А. Ан-ского по местечкам Волынской, Подольской и Киевской губерний в 1912–1914 гг. см. также: *Rechtman A. Yidishe etnografye un folklor [Еврейская этнография и фольклор]*. Buenos Aires: IWO in Argentina, 1958. P. 13–24; *Лукин В. От народничества к народу (С. А. Ан-ский — этнограф восточноевропейского еврейства) // Евреи в России. История и культура*. СПб.: Петербургский еврейский университет, 1995. С. 125–161. (Труды по иудаике. Сер.: «История и этнография». Вып. 3); *Сергеева И. Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах // Параллели: русско-еврейский историко-литературный альманах*. М.: Дом еврейской книги, 2003. № 2–3. С. 97–124; *Урицкая Л. Б., Якерсон С. М. Еврейские сокровища Петербурга. Ашкеназские коллекции Российского этнографического музея*. С. 78–82.
- ³³ По этому адресу располагается здание бывшей Еврейской богадельни, построенной на средства мецената М. А. Гинсбурга, который выделил в ней отдельный этаж для ЕИЭО, редакции журнала «Еврейская старина» и будущего еврейского музея.
- ³⁴ *Дымишиц В. А. Первый Еврейский музей в России / Центр «Петербургская иудаика»*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 4 (Сер.: «Фотоархив экспедиций Ан-ского. Волынь, Подолия, Киевщина. 1912–1914». Вып. 5).
- ³⁵ См.: *Pevzner E. The story of one collection // Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*. Vilnius, 2008. Vol. II. P. 120.
- ³⁶ *Лукин В. «...Академия, где будут изучать фольклор»*. С. 86–87.
- ³⁷ Деятельность Еврейского историко-этнографического общества за 1923 г. // *Еврейская старина*. 1924. № 11. С. 396–397.
- ³⁸ О закрытии ЕИЭО см. подробнее: *Бейзер М. Евреи Ленинграда. 1917–1939: Национальная жизнь и советизация*. М.: Мосты Культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. С. 318.

- ³⁹ См.: *Дымишиц В.* Первый еврейский музей в России. С. 6.
- ⁴⁰ Некоторые соображения о современном местонахождении предметов и документов из собрания ЕИЭО высказаны в заметке: *Ivanov A.* An-sky's Lost Archive. [Электронный ресурс.] URL: <http://yerusha.eu/case-studies/skys-lost-archives/> (Дата обращения: 27.07.2017).
- ⁴¹ Об истории создания этих музеев см.: *Солодова В.* Одесский музей еврейской культуры (1927–1941) // Доля еврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ столітті: Збірник наукових праць за матеріалами ІХ Міжнародної наукової конференції. Київ, 28–30 серпня 2001 р. Київ, 2002. С. 250–258. *Носоновский М.* Библиотека и архив Туземно-еврейского музея в Самарканде: (опись материалов) // Евреи в Средней Азии в прошлом и настоящем: Экспедиции, исследования, публикации. СПб., 1995. С. 187–245 (Труды по иудаике. Сер.: «История и этнография». Вып. 4); *Хейфец М., Носоновский М., Вышенская Т.* Фотоархив Туземно-еврейского музея в Самарканде: (опись материалов) // Там же. С. 248–269; *Носоновский М.* Исаак Лурье и Еврейский музей в Самарканде // Заметки по еврейской истории: Альманах. 2002. № 13. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer13/MN27.htm> (Дата обращения: 04.08.2017); *Цицуашвили Л.* Еврейское культурное наследие Грузии. Экспонаты еврейского историко-этнографического музея Грузии // Страницы истории и культуры евреев Грузии: (по следам экспедиции 2013 г.). Сб. статей. М.: Сэфер, 2014. С. 71–83.
- ⁴² См.: *Pevzner E.* The story of one collection. P. 122.
- ⁴³ См.: АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 107, л. 1.
- ⁴⁴ Там же, л. 75.
- ⁴⁵ Там же, л. 15.
- ⁴⁶ Там же, л. 52.
- ⁴⁷ Там же, л. 54.
- ⁴⁸ Об экспедиционных фотографиях С. Б. Юдовина см.: *Иванов А. И.* Фотоархив экспедиций С. А. Ан-ского: между этнографией и искусством // Музей. Традиции. Этничность: Научный журнал Российского этнографического музея. 2013. № 2(4). С. 112–128; *Его же.* Соломон Юдовин. От экспедиционной фотографии – к графическому искусству // Евреи в России: вчера и сегодня. Неизвестное об известном: Сб. статей. М.: Достоинство, 2012. С. 42–49; *Его же.* Опыты «молодого человека для фотографических работ»: Соломон Юдовин и русский пикториализм / Центр «Петербургская иудаика». СПб., 2005 (Сер.: «Фотоархив экспедиций Ан-ского. Вольнь, Подолия, Киевщина. 1912–1914». Вып. 1); *Morris-Reich A.* Science and “Race”, in Solomon Yudovin's Photographic Documentation of Russian Jewry, 1912–1914 // Images. 2013. Vol. 6, Issue 1. P. 52–72.
- ⁴⁹ Понятие «производство старины», которое прекрасно подходит для характеристики деятельности С. А. Ан-ского в области конструирования еврейского культурного наследия, заимствовано из работы: *Ямпольский М.* Пространственная история. Три текста об истории. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. С. 140–145.
- ⁵⁰ См. об этом подробнее: *Дымишиц В.* «Братья и сестры во имя труда!». Еврейские ремесленники и рабочие накануне революции / Центр «Петербургская иудаика». СПб., 2005. (Сер.: «Фотоархив экспедиций Ан-ского. Вольнь, Подолия, Киевщина. 1912–1914». Вып. 2).
- ⁵¹ О ликвидации Музея ЕИЭО см.: ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 8, д. 165, л. 1–5; СПФ АРАН, ф. 255, оп. 1, д. 131, л. 10–16.
- ⁵² АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 107, л. 47.
- ⁵³ О судьбе коллекций Музея ЕИЭО, оказавшихся в собраниях Украины и Белоруссии, см.: *Урицкая Л. Б., Якерсон С. М.* Еврейские сокровища Петербурга. Ашкеназские коллекции Российского этнографического музея. С. 143; *Синило А.* Экспонаты из музея Еврейского историко-этнографического общества в собраниях белорусских музеев //

Труды по еврейской истории и культуре: Материалы XXII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2016. С. 346–394 (Акад. сер. Вып. 52).

⁵⁴ Цит. по: Мосс К. Революция в еврейской культуре // История еврейского народа в России. Т. 3: От революции 1917 г. до распада Советского Союза / Под ред. М. Бейзера. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2017. С. 79.

⁵⁵ О выставке см. подробнее: *Иванов А. И.* «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 102(2). С. 158–182; *Yalen D.* The shtetl in the museum: representing Jews in the eras of Stalin and Putin // East European Jewish Affairs. 2015. Vol. 45. № 2–3. P. 174–189.

⁵⁶ *Калинин М. И.* Об образовании Еврейской автономной области. М., 1935. С. 13.

⁵⁷ АРЭМ, ф. 2, оп. 5, д. 22, л. 30, 11. О еврейской секции в ГМЭ см. также: *Yalen D.* After Ansky: I. M. Pul'ner and the Jewish Section of the State Museum of Ethnography in Leningrad // Going to the People: Jews and the Ethnographic Impulse / Ed. by J. Veidlinger. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2016. P. 119–145.

⁵⁸ *Пульнер И. М.* Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 156.

⁵⁹ Там же. С. 157.

⁶⁰ См.: Там же. С. 160.

⁶¹ *Калинин М. И.* Об образовании Еврейской автономной области. С. 7.

⁶² Евреи в царской России и в СССР: Краткий путеводитель по выставке. Л.: ГМЭ, 1939.

⁶³ АРЭМ, ф. 9, оп. 3, д. 1, л. 1–67; оп. 1 д. 24, л. 1–10.

⁶⁴ Там же, л. 1–3. Фотографии из архива ЦС ОЗЕТ опубликованы в альбоме: Надежды и разочарования: создание еврейских автономий в Советском Союзе. Яркие страницы истории ОРТ, 1920–30-е годы / Сост.: В. А. Дымщиц, А. И. Иванов. СПб.; Лондон: Всемирный союз ОРТ, 2006. Также см.: *Иванов А. И.* Бремя пропаганды: репрезентации еврейской земледельческой колонизации в советской документально-публицистической фотографии 1920–1930-х годов // Проблемы еврейской истории: Материалы научных конференций центра Сэфер по иудаике 2007 г.: В 3 ч. М.: Книжники, 2008. Ч. 1. С. 383–412; *Его же.* Визуализируя утопию: репрезентации Биробиджана в советской фотожурналистике 1920–1930-х гг. // Научные труды по иудаике: Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2013. Т. 2. С. 346–385. (Акад. сер. Вып. 46).

⁶⁵ АРЭМ, ф. 2, оп. 5, д. 48, л. 10.

⁶⁶ Там же, ф. 9, оп. 3, д. 6, л. 2, 11, 51.

⁶⁷ Там же, д. 5, л. 5.

⁶⁸ *Прокопьева Н. Н.* «Меж двух миров». Выставка к 150-летию со дня рождения С. А. Ан-ского // Консул. 2013. № 4(35). [Электронный ресурс.] URL: <http://www.magazineconsul.ru/archive/35/mezhdunarodnyj-proekt/«ezh-dvux-mirov».-yistavka-k-150-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-s.-a.-an-skogo-natalya-prokoreva.html> (Дата обращения: 25.07.2017).

⁶⁹ *Шахнович М.* Кому служит «религия Израиля»? М.; Л.: Прибой, 1929. С. 39.

⁷⁰ Об «Антирелигиозной выставке» см. подробнее: *Щербак Т. И.* От выставки к музею: период становления Музея истории религии АН СССР (1930–1932) // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2002. Вып. II. С. 31–41; *Михайлова Е. А.* Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в Государственном Эрмитаже» и его создатель В. Г. Богораз // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 90–95.

⁷¹ *Богораз-Тан В. Г.* Антирелигиозная выставка Академии наук СССР // Антирелигиозник. 1930. № 8–9. С. 88.

- ⁷² *Тан-Богораз В. Г.* Письмо неперемемному секретарю АН СССР от 22 октября 1930 г. Цит. по: *Шахнович М. М., Чумакова Т. В.* Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014. С. 110–111.
- ⁷³ *Богораз-Тан В. Г.* Антирелигиозная выставка Академии наук СССР. С. 90.
- ⁷⁴ См.: *Sokolova A.* Between Ethnography of Religion and Antireligious Propaganda: Jewish Graphics in Leningrad and Moscow Museums in 1930s // Three Cities of Yiddish: St. Petersburg, Warsaw, Moscow: Collected articles / Ed. by G. Estraiikh, M. Krutikov. Oxford: Legenda, 2017. P. 161; см. также: *Соколова А.* Графика и фотографии Соломона Юдовина из собрания Государственного музея истории религии: между этнографией и религиозной пропагандой 1930-х гг. // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2016. Вып. 16. С. 69–70.
- ⁷⁵ *Богораз-Тан В. Г.* Антирелигиозная выставка Академии наук СССР. С. 89.
- ⁷⁶ См.: *Соколова А.* Графика и фотографии Соломона Юдовина из собрания Государственного музея истории религии: между этнографией и религиозной пропагандой 1930-х гг. С. 71–72; 79–84.
- ⁷⁷ *Чумакова Т. В.* Музей истории религии АН СССР в начале 1920-х гг. // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2007. Вып. 6–7. С. 16.
- ⁷⁸ См.: *Sokolova A.* Between Ethnography of Religion and Antireligious Propaganda: Jewish Graphics in Leningrad and Moscow Museums in 1930s. P. 166.
- ⁷⁹ К. По Исаакиевскому собору // Антирелигиозник. 1931. № 8. С. 91.
- ⁸⁰ *Федорович Н. В.* Проект тематического плана экспозиции государственного музея — бывшего Исаакиевского собора в соответствии с его новым профилем // Сессия Ленинградского музейного совета, посвященная Государственному музею бывшему Исаакиевскому собору, 2–3 марта 1937 г. Л., 1937. С. 13–14.
- ⁸¹ См.: *Соколова А.* Графика и фотографии Соломона Юдовина из собрания Государственного музея истории религии: между этнографией и религиозной пропагандой 1930-х гг. С. 76–79.
- ⁸² Там же. С. 84.
- ⁸³ *Чумакова Т. В.* Музей истории религии АН СССР в начале 1920-х гг. С. 16.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ См.: *Шахнович М. М., Чумакова Т. В.* Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961). С. 240–241.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ См.: Музей истории религии и атеизма. Происхождение христианства: Справочник-путеводитель. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 16–22. См. также: *Бутинова М. С., Красников Н. П.* Музей истории религии и атеизма: Справочник-путеводитель. М.; Л.: Наука, 1965. С. 91–92.
- ⁸⁸ *Соколова А.* Графика и фотографии Соломона Юдовина из собрания Государственного музея истории религии: между этнографией и религиозной пропагандой 1930-х гг. С. 87.
- ⁸⁹ См.: Музей истории религии и атеизма. История папства и инквизиции: Краткий справочник-путеводитель. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 60. См. также: Музей истории религии и атеизма. Религия и атеизм на Западе: Путеводитель-справочник по Музею истории и атеизма / Сост. В. Л. Андрианова, Б. Я. Рамм и др. М.; Л.: Наука, 1965. С. 71.
- ⁹⁰ Музей истории религии и атеизма. Религия и атеизм на Западе: Путеводитель-справочник. С. 116.
- ⁹¹ ЦГАЛИ СПб, ф. 195, оп. 1, д. 451, л. 1.
- ⁹² Там же, л. 12.
- ⁹³ Музей истории религии и атеизма: Путеводитель / Сост. А. М. Лесков, Я. И. Шурыгин. Л.: Лениздат, 1981. С. 48. Судя по фотографии, включенной в сохранившийся в научно-вспомогательном фонде ГМИР фотоальбом «Государственный музей истории

религии и атеизма» (Л., 1983), в данном разделе экспозиции были выставлены четыре оригинальных предмета иудаики: свиток Торы с *тора-мантл*, праздничный семи-свечник, блюдо для пасхального *седера*, известняковая плита с изображением *меноры* (предположительно I–III вв. н. э.), полученная на временное хранение из Керченского археологического музея в Крыму.

⁹⁴ Соколова А. В. Фотографические снимки в «Альбом еврейской художественной старины» / Центр «Петербургская иудаика». СПб., 2007. Ч. 1. С. 17 (Сер.: «Фотоархив экспедиций Ан-ского. Волынь, Подолия, Киевщина. 1912–1914». Вып. 4).

Понятие «место памяти» было введено в научный оборот французским историком Пьером Нора, по мысли которого оно, соединяя в себе духовное и материальное, — важный элемент в наследии для сохранения национальной идентичности того или иного сообщества; см. подробнее: Нора П., Озуф М., Пюимеж де Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.